

Критика о «Тихом Доне»

М. А. Шолохов

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив. <...>

(Из нобелевской речи)

...я асто слышу упрек в «жестоком» показе действительности.

<...> я думаю, что плох был бы тот писатель, который прикрашивал бы действительность в прямой ущерб и щадил бы чувствительность читателя из ложного жеелания приспособиться к нему. Книга моя не принадлежит к тому разряду книг, которые читают после обеда и единственная задача которых состоит в способствовании мирному пищеварению.

(Английским читателям)

Ф. Бирюков

<...> Михаил Шолохов далек от идиллии. Допотопная старина, патриархальщина, дикие суеверия, бытовая отсталость, порой ужасная и отвратительная, тоже вошли в роман.

(Слово о Шолохове. М., 1973)

Йонас Авижюс

Он писал, не скованный никакими предвзятыми правилами и канонами, писал мощно, широко, с обжигающей жадой правды. И если уж поражаться, то, как мне кажется, только тому, что, несмотря на эту раскованность и свободу письма, «Тихий Дон» оказался по своей форме на редкость цельным, будто вырубленным из единой глыбы, произведением.

(Мировое значение творчества Михаила Шолохова. Материалы и исследования. М., 1976)

А.Н. Толстой

В «Тихом Доне» он развернул эпическое, насыщенное запахами земли, живописное полотно из жизни донского казачества. Но это не ограничивает большую тему романа: «Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности, — произведение общерусское, национальное, народное.

(Слово о Шолохове. М., 1973)

Ю.В. Бондарев

...Это грандиозная художественная панорама событий, потрясших весь мир. Сила эпопеи — в глубочайшей народности... Он населил роман многими персонажами — представителями народа. И они — впервые в истории мирового искусства — на первом плане в величайшей эпопее. Они — в крупном изображении, с броской внешностью, особенным характером, положительностью, практическим умом, речью.

(Слово о Шолохове. М., 1973)

С.В. Михалков

Много славных рек проложили свой путь по нашей земле. Но не всем им выпала счастливая доля навечно породниться с именами лучших выразителей дум и чаяний народных: Нева — Пушкин, Днепр — Шевченко, Волга — Горький, Дон — Шолохов...

(Слово о Шолохове. М., 1973)

С.Н. Семанов

Хронологические рамки романа четко определены: май 1912 — март 1922 года. Это десятилетие делится Октябрем 1917-го на две равные половины: до и после революции (интересная подробность!). Шолохов объял старую и новую Россию, запечатлел народную жизнь на ее грандиозном историческом переломе.

(Быт и бытие в «Тихом Доне»/Шолохов на изломе времени. М., 1995)

Стэнли Эдгар Хаймэн

Размах Толстого, количество и разнообразие его персонажей, разработка деталей — все это органические части того целого, которое определило успех «Войны и мира»... Современной войне, во всей ее многомерной сложности, войне, в которую оказываются втянутыми целые нации, могут соответствовать лишь крупные масштабы исторического романа, и для нашей эпохи тотальных войн это еще более справедливо, чем для эпохи Толстого <...>

...нужно сказать, что самым сильным претендентом является, по-видимому, Михаил Шолохов. Его «Тихий Дон» из всей современной литературы ближе всего к «Войне и миру», и теоретические предпосылки у него имеются в большей степени, чем у кого-либо другого.

(Новая «Война и мир» /«Знамя», 1945, № 9)

Ромен Роллан

Лучшие новые произведения советских писателей (напр., Шолохова) связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого.

(Слово о Шолохове. М., 1973.)

Ю.В. Бондарев

<...> Михаил Шолохов — историк, и куда более основательный, чем те историки, которые нередко больше запутывали, чем проясняли суть...

Он определил объективные и субъективные факторы, занявшись исследованием причин конкретного события — Верхнедонского мятежа, вспыхнувшего в 1919 году в тылу наших войск.

(Слово о Шолохове. М., 1973)

D*

Пролог повествует о кровавом истоке турок Мелеховых. Здесь вскрыт корень семьи, а с тем и коренные черты донского казачества. Из этих типовых характеров и пойдет лепка персонажей донской эпопеи.

Здесь начало звероватости Григория Мелехова и прямого звероподобия казачьей массы в расправе с врагом, в семейном и круговом деспотизме, отъединенности бытия, нетерпимости ко всему ИНОГОРОДНЕМУ.

<...> В прологе дан и генезис своеобразных черт Мелеховых; от деда — к внуку: их упрямая повадка и душевная мягкость, углубленная мужеством.

(Стремя «Тихого Дона». Paris, 1974)

В.В. Петелин

Типичность Григория Мелехова именно в том, что судьба его соответствует общему ходу объективного процесса, и это является самым важным признаком трагического героя. Носитель трагического конфликта должен быть символом того, что совершается с той частью народа, к которой он принадлежит. <...>

Сюжет романа развивается как сюжет трагедии. И финал романа трагический.

(Петелин В. В. «Тихий Дон» — бессмертен/Шолохов на изломе времени)

Ю.В. Бондарев

Но Шолохов создал не только людей, населивших мир. Он создал жаркое, палящее донское солнце, тихие и розовые от зари казацкие курени, холодок утренней матовой росы, следы на мокрой траве от босых теплых ног, сырые, наполненные водой окопы, тонкий и сладкий запах ландыша, который улавливает Аксинья...— он создал то окружение для своих героев, свой пейзаж, ту неповторимую обстановку недавней действительности, которая называется жизнью, борьбой за победу светлого в мире.

(Слово о Шолохове. М., 1973)

D*

Для стиля (в узком смысле) характерно соединение бытописательской манеры, ее этнографической достоверности — с импрессионизмом свободной живописности.

Своеобразие языка определено органичностью для автора донского диалекта, свободно применяемого как в прямой речи персонажей, так и в авторском слове с умелой ассимиляцией диалектной лексики и фразеологии. Этот народный язык (без малейшего признака нарочитой стилизации) мастерски сочетается с интеллектуальной речью писателя.

(Стремя «Тихого Дона». Paris, 1974)

А.И. Солженицын

С самого появления своего в 1928 году «Тихий Дон» протянул цепь загадок, не объясненных и по сей день. Перед читающей публикой проступил случай, небывалый в мировой литературе. 23-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем свой жизненный опыт и свой уровень образованности (4-классный). Юный продкомиссар, затем московский чернорабочий и делопроизводитель домоуправления на Красной Пресне, опубликовал труд, который мог быть подготовлен только долгим общением со многими слоями дореволюционного донского общества, более всего поражающим именно вжитостью в быт и психологию тех слоев.

(Предисловие к книге «Стремя «Тихого Дона»». Paris, 1974)